

*А. З. ЖАВОРОНКОВ,
доцент, кандидат филологических наук*

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ СКАЗКА А. С. ПУШКИНА

Сказка А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей», восходящая своим сюжетом к бытовым народным анекдотам (март 1822 г.), до сих пор еще в должной мере не изучена. Лишь с текстологической стороны она получила надлежащий комментарий в юбилейном академическом издании сочинений А. С. Пушкина (т. 2, 1949 г.). Идеиное содержание сказки, ее стиль и язык — все эти вопросы в исследованиях о Пушкине совершенно не поднимались. Небесполезно поэтому вспомнить и собрать сохранившиеся скудные сведения о сказке и подвергнуть ее хотя бы краткому идейно-стилистическому анализу.

Сам Пушкин придавал серьезное значение своей сатирико-анекдотической сказке. Работая над нею, он тщательно отшлифовывал ее текст, подыскивал наиболее звучные и яркие стихи. Даже по тем немногим отрывкам чернового автографа сказки, которые уцелели и хранятся во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина, можно судить о чрезвычайно вдумчивом отношении поэта к этому произведению.

Пушкиным не сразу было выбрано имя героя. В черновом автографе, хранящемся во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, царь именуется то Никитой («Царь Никита жил когда-то»), то Василием («Царь Василий жил когда-то»). Начало сказки давалось в нескольких вариантах. Пушкин настойчиво стремился осуществить свой смелый замысел, воплотить его в наиболее законченную художественную форму.

Весьма показательна время создания сказки о царе Никите: она написана в конце марта 1822 г. в Бессарабии, до публикации поэмы «Кавказский пленник». Б. В. Томашевский, проделавший большую работу по изучению текстов сказки, относит ее создание к последним числам марта 1822 г.¹ Цяв-

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, т. 2, изд. Акад. наук СССР, 1949.

ловский в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (1951 г.) также датирует сказку (правда, менее уверенно) двадцатыми числами марта: 1822—20 марта (?)... 31 (?) «Царь Никита и его сорок дочерей»¹.

Б. Трубецкой, основываясь исключительно на сообщении «Библиографических записок» (1858, май), в своей книжке «Пушкин в Молдавии» (г. Кишинев, 1949 г) в специальной хронологической таблице неточно датирует сказку концом ноября 1822 г., когда сказка, по всей вероятности, уже стала известной многим читателям.

Следует согласиться с мнением Б. В. Томашевского и М. А. Цявловского по вопросу датировки пушкинской сказки. Это мнение подкрепляется черновым автографом, под которым стоит дата 26 (марта?). Кроме того, в подтверждение правоты в данном вопросе М. А. Цявловского и Б. В. Томашевского можно привести ссылку на одно место из черновика послания к В. Раевскому «Не тем горжусь»... — апрель—май 1822 г., где Пушкин говорит о своей сатире на разврат и тирана.

Пламенной сатирой
Разврат и злобу я казнил
И звук... моей лиры
Тирана в ужас приводил.

Ни в одном произведении А. С. Пушкина, предшествующем его апрельско-майскому «Посланию к В. Раевскому», не бичевались с такой силой одновременно разврат и деспотизм тирана, как в сказке «Царь Никита и сорок его дочерей». Намек на это обличительное произведение в «Послании» Пушкина вероятен. В течение нескольких лет, протекших с момента создания сказки, Пушкин, видимо, держал ее белой автограф при себе. Во всяком случае, еще в 1825 году в с. Михайловском он имел ее список. На это поэт указывает сам. 15 марта 1825 г. в письме к брату и Плетневу Пушкин, в связи с подготовкой первого издания своих стихотворений, шуточно предлагал: «60 пиес! довольно ли будет I тома? не прислать ли вам для выполнения и «Царя Никиту и сорок его дочерей»².

Позднее, после разгрома восстания декабристов, Пушкину, ожидавшему со дня на день ареста, пришлось, вероятно, спешно пересмотреть свой архив и многое в нем, и в первую очередь, обличительные произведения уничтожить.

¹ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1951, стр. 332.

² А. С. Пушкин, т. 13, изд. Акад. наук СССР, 1937, стр. 154.

Некоторые списки сказки о царе Никите заканчиваются четверостишием:

Многие меня поносят
И теперь пожалуй спросят:
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.

Эта приписка, выявляющая непосредственное отношение автора к факту широкого распространения сказки, могла быть сделана поэтом, скорей всего, до трагического события 14 декабря 1825 г. После 1825 г. говорить прямо о своем отношении к сказке, открыто защищать сатиру на развратный царский двор Пушкин, конечно, уже не мог. Более того, от авторства поэмы «Гавриилиада», идейно созвучной сказке о Никите, Пушкину пришлось отказываться. Нигде, ни в одном письме, ни в одном своем публичном выступлении после декабрьской катастрофы он больше не вспоминал о «Царе Никите». Несмотря на разгул самодержавно-крепостнической реакции, анекдотическая сказка Пушкина продолжала жить, получая доступ к новым читателям, становясь постепенно известной в царде, конечно, в глубокой тайне от правительства Николая I.

При жизни Пушкина его сказка о царе Никите не печаталась. Первые известия о ней проникли в печать лишь в пору мощного общественного подъема, предшествовавшего отмене крепостного права.

В 1858 г. в «Библиографических записках» (№ 4) Соболевским было опубликовано письмо Пушкина от 15 марта 1825 г. к брату и Плетневу, в примечаниях к которому появились 22 стиха анекдотической сказки о царе Никите. Начало сказки печаталось также в «Русской библиотеке» (Лейпциг, 1858 г.).

Намеченный первыми публикаторами и комментаторами взгляд на сказку, как на пустынное произведение, надолго утвердился в так называемой академической науке. Даже в зарубежных русских изданиях (кроме огаревского), независимых от царской цензуры, подлинный смысл сказки замалчивался, важного значения ей не придавалось. Более того, некоторые издатели (напр., в Берлинском — Гербеля — издании «Стихотворений Пушкина», 1861 г., стр. 168) ставили под сомнение художественность формы этой сказки, отрицая принадлежность многих ее стихов гениальному поэту.

В том же 1861 г. с иных общественно-политических позиций подошел к оценке этой сказки А. С. Пушкина выдающийся деятель революционного движения Н. П. Огарев.

Н. Огарев, связывая идейное содержание сказки с нараставшей борьбой декабристов против самодержавия, справедливо усматривал в этом произведении следы сближения с народной жизнью и с растущей ненавистью декабристов к царской власти¹. Однако, его пронизательный, исторически верный отзыв об этой сказке, содержащийся во вступительной статье к сборнику «Потаенная литература XIX века», в корне противоречивший отношению редакторов официальных изданий А. С. Пушкина к его сказке, не получил соответствующего истолкования. Ни П. А. Ефремов, ни Морозов в редактированных ими изданиях А. С. Пушкина ничего нового не внесли в изучение основных вопросов, связанных с текстом остро-обличительной сказки.

П. А. Ефремов, произвольно контаминировавший текст сказки, повторял мнение Гербеля и других издателей о ее художественной неполноценности².

Редактор издания сочинений Пушкина Морозов тоже в первую очередь отмечал принадлежность сказки к нескромным произведениям, не имеющим самостоятельного значения³.

Прежней традиционной точки зрения на пушкинскую сказку почему-то придерживаются редакторы нового, юбилейного академического издания произведений Пушкина, где повторяется примелькавшееся уже мнение о том, что «Царь Никита и сорок его дочерей» — нескромная сказка, дошедшая до нас в рукописных списках⁴. Опять-таки все содержание сказки сводится к чисто внешней стороне ее нескромно-анекдотического сюжета, а о ее идейно-политическом содержании, о ее истолковании в духе единственно правильного отзыва Огарева о ней, не говорится ни слова.

¹ Сказку «Царь Никита» ценил также друг Огарева А. И. Герцен. Об этом свидетельствует использование этой сказки автором «Былого и дум» в сатирической характеристике господ — «современников... своего общества», считавших себя добродетельными и просвещенными людьми: «Все у этих господ исправно, чинно, на месте; они правильно любят и бегут порока; все у них не лишено известной прелести серенького летнего дня, без дождя и солнца, а чего-то нет,—ну, так бездельницы, ничего, как у великих княжен царя Никиты... Но

И того недоставало,

без-того и все остальное не в честь».

(А. И. Герцен. Былое и думы. Ленинград, 1946, стр. 313).

² См. Сочинения А. С. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. 8, 1905, стр. 184.

³ См. А. С. Пушкин. Соч. под ред. Морозова, т. 3, 1912, стр. 214.

⁴ А. С. Пушкин. Соч., т. 2, изд. Акад. наук СССР, 1949.

Сказка «Царь Никита и сорок его дочерей» в слегка замаскированной форме осмеивала русский царизм. В ней обличался один из гнуснейших пороков в жизни российских венценосцев — разврат.

Бесцеремонно, нагло попирая волю «своих» подданных, цари-деспоты глумились над их честью, сплошь и рядом превращали своих приближенных в жертвы низменных побуждений, в игрушки своих грубых страстей. Немало осталось подобных жертв на совести Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, не говоря уже о множестве жертв помещиков-крепостников.

С чувством глубокого возмущения писал великий поэт о развращенном деспотизме Екатерины II («Тартюфе в юбке») в одной своей статье 1822 г.

Еще с большим бесстыдством предавался разврату любимый внук Екатерины Александр I, «плешиный щеголь, враг труда», смотревший на Россию как помещик-крепостник на свою вотчину.

Толки и слухи о распущенности царя, о его любовных похождениях, о его побочных детях распространялись в обществе, хотя вслух об этом говорить остерегались. Даже о дочери Александра I от М. А. Нарышкиной, Софье, при дворе говорили втихомолку. Ядом разврата была заражена вся придворно-аристократическая среда, все помещичье-крепостническое общество. Таким образом, самой жизнью перед Пушкиным выдвигалась тема падения нравов, вызванного полным морально-духовным распадом представителей феодально-крепостнического строя.

Еще в лицейские годы Пушкин, узнавая многое о закулисной стороне придворного быта, о необычайной распущенности царя и его приближенных, обличал разврат в своих эпиграммах, в сатире «К Лицинию».

В мадригале «На Баболовский дворец» молодой поэт, при всей сдержанности тона, тонко иронизирует над Александром I и его фавориткой, дочерью придворного банкира Софьей Осиповой Велю:

Прекрасная! Пускай восторгом насладится

В объятиях твоих российский полубог.

Что с участью твоей сравнится?

Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног¹.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 1, изд. «Правды», 1954, стр. 142.

Тема падения нравов в среде придворной знати приобретала со временем для Пушкина особое, политическое значение в связи с осознанием тех последствий, которыми обычно завершались любовные затеи царя. В истории России, особенно со времени царствования Анны Иоановны, Пушкин видел много печальных примеров головокружительного возвышения любовников императриц, фавориток Александра I и их родственников. Новоявленная аристократия в своем холопском усердии царю-покровителю не знала границ. Вместе с тем она с нескрываемой жадностью и алчностью рвалась к управлению государственными делами, стремясь влиять на политику правительства и подчинить ее своим корыстным интересам. Эту новую, позлащенную аристократическую чернь Пушкин гневно клеймит в сатирическом памфлете «Моя родословная» (1830), и других стихотворениях.

Обличая фарисейство самодержавия Александра I, его вражду к народу, его кичливость и заносчивость, его жестокость, Пушкин высмеял также разврат тирана и его придворной клики. Этой цели успешно отвечал жанр анекдотической сказки, к которому поэт, естественно, и обратился. Под внешне безобидным, но прозрачным сказочным покровом Пушкину великолепно удалось показать и осудить типичный для царского двора порок, он наталкивал читателя на раздумья о гнилости основ тиранни Александра I и Аракчеева. В сказке Пушкина вовсе не следует искать прямого портретного сходства между царем Никитой и Александром I, между придворными Никиты и придворными Александра I, но нельзя не заметить общности нравов, царивших при дворе сказочного тирана и при дворе единодержавно правившего Россией ненавистного Пушкину деспота-временщика.

Сказка «Царь Никита и сорок его дочерей», написанная на злобу дня, оказалась тесно связанной с идейными устремлениями будущих декабристов. Один из верных наследников декабризма Н. Огарев справедливо связывал идейное содержание сказки с декабристским движением, видел «в ней следы сближения с народной жизнью и выросшего в обществе декабристов презрения к царской власти»¹.

Проникнутая острой ненавистью к самодержавию, сказка полна отзвуков современности, откликов на нее. Переключившись с современностью шла и через общую сюжетную ситуа-

¹ Потаенная литература XIX века, Лондон, 1861, стр. 1.

цию, и через основной образ, и через рассеянные в отдельных стихах намеки.

При восприятии образа царя-деспота и развратника Никиты, прижившего 40 дочерей от разных женщин, читатели невольно переводили взоры на современную Россию, на Александра I.

Подобно придворным Александра, шептавшимся между собой о приключениях царя, придворные Никиты посмеиваются над ним:

Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнут¹.

В этих стихах заключен явный намек на сибирскую ссылку, часто применяемую деспотическим правительством Александра I и Аракчеева по отношению к тем, кто осмеливался критиковать самодержавие.

Царь Никита многими своими характерными чертами — праздноностью, распущенностью, жестокостью, необузданным своеволием похож на Александра I. Пушкин разбивает распространенное в обществе ложное представление о просвещенном уме и доброте ненавистного поэту царя. Доброта Никиты, как и кажущаяся мягкосердечность Александра, по существу обманчива, она рассеивается при первом слове царя-деспота. Гневно и угрожающе требует самодержец от придворных строжайшего соблюдения позорной тайны своих дочерей:

Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит
Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Что у них недостает,
Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет,
То шутить я не привык,
Бабам вырежу язык...

Никита, как и Александр I, — праздно живущий, деспотичный правитель, погрязший в пучине порока, окруживший себя льстецами и карьеристами, превративший государственный совет в свиту своих покорных слуг.

В резкой характеристике взаимоотношений деспота и его советников Пушкин во многом следовал традиции русской обличительной литературы.

¹ Все цитаты из этой сказки даются по Полн. собранию сочинений А. С. Пушкина, изд. Акад. наук СССР, т. 2, 1949.

Его сказка «О царе Никите» своеобразно перекликается с поэмой «Бова» и со «Спасской Полестью» (главой из «Путешествия из Петербурга в Москву») Радищева и с повестью «Кайб» Крылова.

В своей аллегорической восточной повести Крылов остроумно высмеял развратного царя-деспота и его напускной, мнимый либерализм:

«Сераль его был наполнен первыми красавицами в свете из коих не было ни одной старше семнадцати лет...».

«На другой день Кайб созвал свой диван, чтобы подумать обстоятельнее о своем важном предприятии. Надобно заметить, что Кайб ничего не начинал без согласия своего дивана; но как он был миролюбив, то, для избежания споров, начинал так свои речи: «Господа! Я хочу того-то, кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию же минуту получит он пятьсот ударов воловьей жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос». Таким удачным предисловием поддерживал он совершенное согласие между собой и советом и придавал своим мнениям такую вероятность, что разумнейшие из дивана удивлялись их премудрости» («Кайб»).

Пушкин в своей сказке тоже дает картину созыва царем совета. Взаимоотношения восточного деспота Кайба и его дивана и взаимоотношения между царем Никитой и его советом основываются на одном и том же — на безудержном произволе самодержца и беспрекословном повиновении совета ему. И Кайб, и Никита, разыгрывая из себя добрых и гуманных правителей, на деле являются гонителями просвещения и беспощадными душителями свободы. Пушкин, как и Крылов, рисует царский совет в остро комическом плане: совет при царе Никите, подобно совету при царе Кайбе, подчиняется личным интересам деспота:

Царь — в совет:

Изложил там свой предмет:

Так и так — довольно ясно,

Тихо, шопотом, негласно,

Осторожнее от слуг.

Призадумались бояры,

Как лечить такой недуг.

Соприкасаясь с сатирой Крылова в характеристике самодержавно-деспотического режима, Пушкин в то же время преодолевает абстрактно-схематический подход к изображению пороков, отразившихся в сатирической повести Крылова. Вместо аллегорической сказки-повести он дает глубоко обобщен-

ный реалистический в своей основе показ придворно-аристократических нравов. Сатирическая картина царского двора и его окружения в пушкинской сказке специальной расшифровки не требовала. У Крылова намеки на деспотизм Екатерины II—Потемкина шли издалека, были заключены в иносказательную форму, рассказ Пушкина сразу обращал внимание на предмет обличения — на русский царизм.

Яркое отражение в сказке нашло явление, характерное для придворной жизни — фаворитизм. При дворе царя Никиты так же, как при Александре I, фаворитизм был важнейшим мотивом выдвижения новых слуг самодержавия. Никита выделял и возвышал в чине своих приближенных не по заслугам перед государством, а по своим прихотям. Из его слуг преуспевал тот, кто мог искуснее угодить царю. Дух низкопоклонства и раболепия заражал все придворное общество, начиная от высших чинов и кончая рядовыми исполнителями царских приказаний.

Пушкин пользуется различными художественными средствами, создавая отдельные образы своей сказки. Если царь-развратник, придворные, советник-боярин изображаются резко отрицательно в плане бичующей сатиры, то образ молодого гонца воссоздается юмористически. Этот персонаж, несомненно, навеян русскими народными сказками. В отличие от титулованных гонцов Владимира из поэмы «Руслан и Людмила» молодой гонец из сказки Пушкина несет многое от фольклора. Это распространенный в народном творчестве тип расторопного и смекалистого гонца, вышедшего из народа. Все поступки и действия этого героя изображаются реалистическими средствами, показываются на бытовом фоне. Жизненна и правдива картина отдыха гонца:

Едет он. Заря зарделась...
Отдых сделать захотелось,
Захотелось закусить,
Жажду водкой утолить:
Он был малый аккуратный,
Всем запасся в путь обратный.
Вот коня он разнуздал
И покойно кушать стал.

Разбитной малый, предусмотрительный, привыкший к опасностям, вынужденный по долгу службы повиноваться своему повелителю, гонец торопится выполнить очередное поручение царя, надеясь опередить своих соперников и получить высокую награду:

...Он мечтает,
Как его царь вознесет,
Графом, князем назовет.

Остро юмористически показывается и образ старухи-ведьмы. Перекликаясь отдельными чертами (внешностью, возрастом, алчностью) с народно-сказочным типом бабы-яги, образ этот у Пушкина освободился от волшеббно-фантастических наслоений, получил реалистические очертания. Ведьма из пушкинской сказки — это старуха-сводница, ворожея, живущая где-то в лесной избушке, изворотливая, завистливая, жадная, умеющая выгодно использовать веру придворных царя в колдовство.

В обращении царя Никиты к услугам старухи-ведьмы читатели могли видеть намек на увлечение императора Александра мистикой и чертовщиной, на его связи со святошами-проходимцами.

Бичуя мотовство и хищничество придворной знати, поэт указывает на установившийся при царском дворе обычай превращать дела личного характера в государственные миссии:

Вот секретно, осторожно,
По курьерской подорожной
И во все земли концы
Были посланы гонцы.

Что автор сказки метил в самодержавие Александра I—Аракчеева, давившее своей тяжестью на всю умственную жизнь страны, — видно и из его непосредственных высказываний о произволе и насилии самодержавия. Пушкин в своем стихотворном рассказе метко поддел царскую цензуру, с которой он в это время вел непримиримую войну. В том же 1822 г., когда была создана сказка о царе Никите, свободолюбивый поэт пригвоздил царских цензоров к позорному столбу в «Послании к цензору». Несколько позднее, 6 февраля 1823 г. в письме к П. А. Вяземскому, он снова выражает свое глубокое возмущение произволом царской цензуры.

«Стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака. Мы смеемся, а кажется, лучше бы дельно принятьсь за Бируковых; пора дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим [мнением] голосом — презрение к русским писателям нестерпимо; подумай об этом на досуге, да соединимся—дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную»¹.

¹ Пушкин, т. 13, изд. Акад. наук СССР, 1937, стр. 56.

Еще более резко говорилось о царской цензуре в сказке. Занятый подбором выражений для рассказа о пороке дочерей и царя, Пушкин смело обрушивается на тогдашнюю цензуру, называет ее дурой:

Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры.

А в черновом отрывке поэт прямо адресовал свой отрицательный отзыв о царской цензуре к цензуре своего времени: (Как бы это объяснить?)

Что могла бы пропустить
Наша цензура
Слишком чопорная дура.

Бичуя феодально-крепостнические порядки, Пушкин своей сказкой внушал читателям мысль о том, что разврат и многие другие пороки неотделимы от деспотизма самодержавия, неотделимы от произвола и насилия. Вскоре после завершения сказки ее автор в «Послании к Раевскому» имел полное право сказать о себе:

...У столба сатиры
Разврат и злобу я казнил.

Учитывая тематическую и идейную связь между сказкой-анекдотом Пушкина и его сатирической антицерковной поэмой «Гавриилиада», Н. Огарев, вопреки распространенному нелестному для сказки мнению, сумел разгадать ее подлинную, идейно-политическую направленность и заметить ее близость к народной жизни.

«Мы берем его Гавриилиаду и царя Никиту, где язык и форма, особенно в последнем, безукоризненно изящны и вместе с тем содержание их проникнуто религиозным и политическим вольномыслием... Если XVIII столетие наваяло поэту первое атеистическое произведение, то в царе Никите нельзя не увидеть следов сближения с народной жизнью и выросшего в обществе декабристов презрения к власти»¹.

Углубляясь в свой новый, злободневный замысел, облакая его в новую, чрезвычайно экономную, оригинальную художественную форму, Пушкин испытал огромное воздействие со стороны народного творчества, особенно со стороны социально-бытовой и анекдотической сказки. «Царь Никита и сорок его

¹ Н. Огарев. Вступительная статья к сб. „Потаенная литература XIX в.“, Лондон, 1861.

‘дочерей», — показатель нарастания фольклорных интересов Пушкина.

Общественно-политический кругозор Пушкина на юге намного раздвинулся, значительно расширились и его представления о народном творчестве. Помимо русской народной поэзии, он обнаруживает глубокий интерес к устно-поэтическому творчеству грузин, украинцев, молдаван. Поэт начинает специально интересоваться этнографическими материалами, начинает собирать фольклорные памятники. Первый издатель и биограф Пушкина П. Анненков, располагавший огромными материалами, отмечает его необычайное внимание к народной поэзии в то время. В кишиневский период, по словам Анненкова, «Пушкин принялся за соби́рание народных песен, легенд, этнографических документов»¹. К сожалению, собранные поэтом на юге фольклорно-этнографические материалы бесследно исчезли.

В связи с усилением внимания Пушкина к фольклору, несомненно, находится зарождение замысла о царе Никите. Об этом высказывалась догадка еще в морозовском издании сочинений Пушкина: «Сказка эта, — говорится здесь, — по всей вероятности, представляла вольный пересказ одной из народных сказок, может быть, слышанных на юге»².

Вопрос о значении народного творчества для становления самобытной национальной русской литературы выдвигался и прояснялся перед Пушкиным не без участия его кишиневского друга В. Раевского, оказавшего на поэта сильное идейное влияние. На литературных вечерах у Липранди, у Раевского, где часто бывал Пушкин, велись горячие споры о русском языке, о народных сказках и песнях, о национально-исторических предметах поэзии. Первый декабрист Владимир Раевский энергично отстаивал самобытный путь развития русской поэзии, утверждая, что «в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни из исторических лиц древней Греции и Рима, что у нас то и другое есть — свое»³.

Вполне разделяя высказываемые В. Раевским общественно-литературные мнения, Пушкин приступает к осуществлению национально-исторических и фольклорных замыслов («Песнь о вещем Олеге», «Вадим», «Царь Никита и сорок его дочерей»). Он просит Н. Н. Раевского прислать сборник рус-

¹ П. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб. 1874, стр. 149.

² А. С. Пушкин. Соч. под ред. Морозова, т. 3, 1912, стр. 214.

³ Русский архив, 1866, № 8, стр. 1256.

ских сказок, мечтает вернуться к теме о Бове, производит первую запись сюжета сказки о царе Салтане. Все это твердо показывает решение Пушкина развивать курс, начатый в поэме «Руслан и Людмила», курс на сближение поэзии с русским народным творчеством.

Из всех фольклорных замыслов 1822 г. Пушкин осуществил лишь замысел сказки о царе Никите, причем осуществил его на более глубокой национально-русской основе. Если в поэме «Руслан и Людмила» заметно тяготение автора к волшебнo-фантастическому жанру русских народных сказок, то в стихотворной сказке о царе Никите внимание поэта переключилось на жанр народных анекдотических сказок, а картины далекой сказочной старины уступили место картинам, навеянным современной действительностью.

Сказочный мотив о царе Салтане Пушкин воплощает несколько позднее, в 1831 г., тем стихотворным размером, который впервые был применен в сказке «Царь Никита».

Хотя параллели между пушкинской сказкой-анекдотом и какой-либо народной сказкой установить не удалось, сказка Пушкина от начала до конца проникнута народно-поэтической стихией; связь между этой сказкой и фольклором обнаруживается самая тесная. Н. Огарев видел своеобразие поэтического стиля сказки в органическом слиянии достоинств народной сказки и пушкинского мастерства. «Царь Никита, — писал он, — рассказан со всей простотой народной сказки и со всем пушкинским изяществом»¹.

Действительно, опираясь на поэтику народного анекдота, творчески используя его стилистически-языковые приемы, Пушкин достиг плодотворных результатов, он дал впервые в русской поэзии опыт фольклорно-литературной анекдотической сказки, образец органического срастания устно-поэтических и типично пушкинских элементов.

По своему жанру «Царь Никита и сорок его дочерей» являются анекдотической сказкой. Композиционно она строится на анекдотическом мотиве: рождение 40 дочерей царя и их чудесное исцеление. Все части и эпизоды (зачин, приказ царя о соблюдении тайны, совет придворных, задание царя, поиски ведьмы, приключение гонца, его благополучное возвращение, пир горой, концовка) подчинены основному мотиву, развивают его. Мастерски пользуясь обычными в анекдотах-сказках принципами неожиданности, резких поворотов, сгущения «со-

¹ Потаенная литература XIX века, Лондон, 1861, стр. 1.

ли» в концовке, Пушкин давал несколько неожиданных переходов в развитии действия (сообщение советника о ведьме, обращение гонца к ней за помощью) и остроумную новеллистическую концовку (награждение ведьмы). Не без влияния анекдота используется поэтом прием искусного чередования комического рассказа и диалога.

Создавая произведение в фольклорном духе, Пушкин не ограничивает себя традиционной поэтикой сказки; он не останавливается перед использованием других устно-поэтических источников (песни, пословицы). С поэтикой народных сказок пушкинская сказка сближается зачином («Царь Никита жил когда-то»), традиционной концовкой («Тут и сказочке конец»), словосочетаниями фольклорного типа («мать родная», «темный лес», «баба старая с клюкой», «чудесное рождение»). К русскому сказочному эпосу восходят персонажи сказки — ведьма, бес, расторопный малый, отчасти образ Никуты. Показывая эти образы, поэт прибегает к устойчивым в фольклоре сравнениям и определениям, вместе с тем отказывается от механического перенесения их в свой текст, от простого копирования. Так по-своему варьируя традиционный образ ведьмы, Пушкин изображает ее в виде старой согнувшейся бабы-ворожеи:

Вот тащится вдоль дороги,
Вся согнувшаяся дугой,
Баба старая с клюкой.

Или:

После ведьма заперлась,
Уголочком запаслась,
Трое суток ворожила,
Так что беса приманила.

В сказке варьируются отдельные типично фольклорные выражения и формулы: «он заехал в темный лес», «видит он: в лесу избушка, ведьма в ней живет, старушка», «царь на радости такой, задал тотчас пир горой».

Творчески преображая фольклорные образы и краски, заимствованные из народных песен, легенд и сказок, — Пушкин не упускал из виду своей конечной цели — высмеять нравы придворно-аристократического общества — и в соответствии с этим он стремился в первую очередь воспользоваться реалистической поэтикой народного бытового анекдота. Именно приемы мастеров анекдотического рассказа применяет поэт охотнее всего. Он успешно руководствуется одним из основных требований разговорно-анекдотического стиля — требованием

предельной экономии словесных средств. Этим можно объяснить то, что прием повторов, широко распространенный во многих фольклорных жанрах, в его анекдотической сказке почти отсутствует. Лишь однажды допущено словесное повторение фольклорного характера:

Отдых сделать захотелось,
Захотелось закусить.

Подобно зачину социально-бытовой сказке, произведение Пушкина начинается сразу с указания на социально-общественное положение своего героя, с его характеристики:

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла...

Ни в чем так мощно и ярко не проявлялся народно-демократический характер сказки, как в ее стиле и языке. Если в поэме «Руслан и Людмила» Пушкин пользовался русскими просторечными словами и выражениями эпизодически, мимоходом, то в сказке он отвел просторечным выражениям значительно больше места.

Пушкин, предвидя возмущение блюстителей канонов дворянско-аристократического жаргона, открыто восставших против него еще в период появления в свет его первой поэмы, в приписке к сказке («Многие меня поносят...») вынужден был дать отповедь своим противникам, обвинявшим его в грубости, и решительно встал на защиту своей шутиливой сказки, в частности ее стиля.

Впечатление свободного, непринужденного рассказа поддерживается просторечной лексикой («кукиш», «водка», «щелка», «сухари», «посылка», «брякнул», «вавакнул»), распространенными в обыденной речи оборотами («бухнул в ноги», «порх», «без оглядки», «ухе всяк держал остро», «всякий тут разинул рот», «ахал, охал, дивовался», «мигом смекнула» и мн. др.). Местами фольклорная расцветка стиля достигается искусным употреблением фольклорных кратких прилагательных («царево дело», «всяк», «приказ красноречив»), словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами («глазки», «ножка», «губки», «мамушки», «сказочка»). Сказово-повествовательным слогом вызывается частое употребление характерных для устной речи указательных частиц и слов: «Вот секретно», «Вот ее бы разыскать», «Вот тащится вдоль дороги», «Так примолвив», «Вот один советник старый» и т. д.

Новое вносила пушкинская сказка и в поэтический син-

таксис. Добиваясь предельной сжатости и точности в языке, Пушкин смело отбрасывает тип романтической эффектно-приукрашенной, сложной, инверсионной фразы, и под влиянием повседневно-разговорного и анекдотического стиля утверждает принцип простой, небольшой по объему, легкой и стройной фразы.

Даже по сравнению с необычайно легкой и гибкой фразой поэмы «Руслан и Людмила», синтаксис сказки явился шагом вперед по пути овладения Пушкиным внутренними законами и нормами русского народного языка. Стремлением поэта привести в полное единство замысел, жанр, фольклорно-анекдотическую манеру повествования объясняется преднамеренное изгнание из поэтического текста типично книжных лексических и синтаксических форм вообще, причастных и деепричастных — в особенности.

Только два-три раза употреблены в сказке причастия и то краткие («награжден был и гонец», «рождены», «лишены»), один раз приводится причастный оборот. Всего лишь несколько раз встречаются деепричастия и деепричастные обороты. Круг слов иностранного происхождения ограничен прочно осевшими в русском языке словами: («квартира», «кабинет», «кунсткамера», «по курьерской»).

Язык пушкинской сказки примечателен также установкой автора на дифференциацию речи действующих лиц. Именно в этой сказке Пушкиным делалась попытка наделить каждый персонаж характерной для его возраста, положения и внутреннего склада речью. Ему, несомненно, удалось провести соответствие между характером и языком царя Никиты, старого советника, молодого гонца, старухи-ведьмы.

В речи царя-деспота, привыкшего грубо повелевать, доминирует один тон — тон приказа, тон угрозы.

«Так за ней сейчас послать!»

Восклицает царь Никита,

Брови сдвинувши сердито:

— Тотчас ведьму отыскать!

Если ж нас она обманет,

Чего надо не достанет,

На бобах нас проведет,

Если с умыслом солжет, —

Будь не царь я, а бездельник,

Если в чистый понедельник

Сжечь колдунью не велю!

И тем небо умолю!

Трусливому советнику присуща рабски угодливая, заискивающая речь. Весьма разнообразны интонации в речи гонца. В ней передается то мечтательный тон, то радостный. Когда он лишается счастливой находки, речь его, обращенная к ведьме, отражая испуг и смятение, становится просительной.

«Пропаду я с головой!

Помоги, будь мать родная!

Посмотри, беда какая».

• • • • •
«Как же горю пособить...».

• • • • •
«Ну спасибо!».

Индивидуальная окраска речи того или иного действующего лица успешно оттенялась меткими авторскими ремарками и пояснениями: советник «в лысый лоб рукою брякнул и царю он так вавакнул», «вверх старуха посмотрела, плюнула и зашипела», «наш гонец ей бухнул в ноги». За этими пояснениями следовали соответствующие речи персонажей.

Ярко выраженная окраска речи действующих лиц могла быть достигнута лишь поэтом-реалистом, тогда как в рамках романтического стиля подобной речевой дифференциации ожидать было напрасно.

Смело ставя и решая проблемы нового поэтического языка сказки-анекдота, Пушкин сталкивался с большой трудностью — преодолеть традиции парнографических поэм Баркова, удержать произведение с нескромным сюжетом на подлинно-художественном уровне. С этой сложной задачей, далеко не решенной в отроческой поэме «Тень Баркова», Пушкин великолепно справился. Не ослабляя силы сатирического обличения, он посредством тонких намеков и каламбуров обошел нежелательные для читателей подробности, блеском своего великого таланта озарил один из самых ходких и бойких в народе жанров—жанр анекдотического рассказа.

На основе синтеза фольклорных и литературных элементов, Пушкин создал свою, оригинальную анекдотическую сказку, нашел для нее легкий, звучный, игриво-льющийся стих. При всей близости стиля этой сказки к фольклору, печать пушкинского изящества и совершенства отложилась на каждом образе, на каждой детали. В ее свободном, непринужденно-легком сказово-повествовательном слого угадывался автор «Руслана и Людмилы», в сатирических и юмористических зарисовках придворной жизни виден творец обличительной поэмы «Тень Фонвизина», «Нозля».

Факт органического срастания в сказке фольклорных и ли-

тературных приемов, примечательный сам по себе, уточняет вопрос о сроках становления фольклорного, народно-поэтического стиля Пушкина.

Обычно рассуждают таким образом: Пушкин овладевал фольклорным стилем медленно, лишь на пороге 30 годов он смог заложить прочные основы народно-поэтического стиля своих сказок («Сказка о царе Салтане», «О поле и о работнике его Балде», «О мертвой царевне»), а применить этот стиль в целях политической сатиры решился только в Сказке о золотом петушке (1833 г.), где уже его фольклорные интересы отошли на задний план. Только эту последнюю сказку Пушкина считают законченным образцом сатиры в форме литературной сказки.

На самом деле, Пушкин заложил прочные основы своего фольклорного стиля не в начале 30-х, а в начале 20-х годов; он оказался вполне подготовленным к обличению самодержавия в форме народной сказки не в 1830, а в 1822 г. Изумительный образец сказки, основанной на взаимопроникновении двух поэтических начал — народно-коллективного и лично-индивидуального дан был Пушкиным впервые в анекдотической сказке о царе Никите, всецело устремленной в современность, охваченной пафосом критики и отрицания самодержавно-крепостнического строя. Говоря об этом, мы вовсе не склонны умалять значение позднейших сказок Пушкина, несомненно внесших много нового в его идейно-творческую эволюцию и знаменовавших собою более высокую ступень в развитии его фольклорного стиля.

Тесная связь с современностью, смелые нападки на самодержавие, стремление к типизации жизненных явлений, мастерство композиции, меткость и выразительность языка, изящество и гибкость стиха, близость стиля к истокам народного творчества — все эти замечательные качества пушкинского реализма дали себя знать в анекдотической сказке Пушкина, намечавшей в его творческом развитии поворот от романтизма к реализму.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	19 сверху	обуславливалась	обусловливалась
41	10 снизу	выяснены	выяснено
74	15—16 снизу	образцовые. Эпиграммы	образцовые эпиграммы
83	18 сверху	пресмыкательстве	пресмыкательства
104	9 снизу (в сноске)	бездельницы	безделицы
114	20 снизу	Вся согнувшаяся дугой	Вся согнувшись дугой
159	10 сверху	только бы в генералы	только бы довелось в генералы

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ I

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

ВЫПУСК I

НОВГОРОД
1 9 5 6